

Социально-нравственные императивы человеческой личности

Леонид ЕВМЕНОВ,
член-корреспондент
НАН Беларуси, доктор
философских наук,
профессор

В преамбуле Всеобщей декларации прав человека утверждается: «Все люди рождаются свободными и равными в своем достоинстве и правах». Как ни странно, этот неоправданный реальной действительностью политический оптимизм порождает у некоторых исследователей обратную ему идею исторической асимметрии прав и достоинства человека. Но именно история их проявления, генезиса и развития как явлений дает немалые основания сомневаться в асимметрии этих понятий.

Штрихи антропологического генезиса

В философской энциклопедии 1962 года пишется: «Чувство собственного достоинства зарождается уже в родовом обществе» [1, с. 59]. Именно тогда, в родовом обществе, многие десятки тысячелетий тому назад проточеловек начал изготавливать шлифованные кремневые орудия для труда и охоты, защиты от враждебных родов и племен, приручал огонь, создавал условия для выживания: добывал пищу, проводил доместикацию диких животных и растений, изготавливал одежды, примитивные укрытия и жилища для бытия рода [2].

Для первобытного человеческого существа, позднего Homo sapiens, основой жиз-

ни был просыпающийся, формирующийся, развивающийся практический разум, решающий сложные задачи его творческой деятельности, для которой были характерны изобретательность, креативность, огромное трудолюбие и трудоспособность ее субъектов.

На территории Беларуси это могло проявиться с появлением «человека разумного» типа кроманьонца (40–35 тыс. лет назад), со стоянкой первобытного человека, найденной возле деревни Юровичи Калинковичского района, сохранившей остатки жилищ, следы разведения огня, орудий труда из кремня и кости мамонта (24 тыс. лет до н.э.). Следы доместикации диких животных и растений на территории Беларуси прослеживаются в стоянках, насчитывающих 4–3 тыс. лет до н.э. Изделия из меди и бронзы, кремневые топоры, орудия земледелия, железные рыболовные крючки, плоскодонная глиняная посуда, наконечники стрел и копий и т.д. обнаружены в других уголках нашей земли: на Полесье, у деревень Осовец Бешенковичского, Асаревичи Брагинского, Отвержичи Столинского районов (III–II тысячелетия до н. э.), во многих иных местах каждого региона страны [3].

С трудовой деятельностью первобытных предков связано рождение первых социально-нравственных начал, таких как самоуважение и уважение сородичей, соплеменников; притязание на владение сотворенными «изобретениями»; явления ответственности за сохранение, умножение и совершенствование орудий и условий вы-

ОБ АВТОРЕ

ЕВМЕНОВ Леонид Федорович.

Родился в 1932 году в г. Чериков Могилевской области.

В 1955 году окончил Белорусский государственный университет, в 1961 – Академию общественных наук при ЦК КПСС, в 1963–1964 годах стажировался в Сорбонне.

С 1961 по 1979 год – на преподавательской работе. В 1970–1971 годах работал в аппарате ЦК КПБ, с 1971 по 1974 год – в Секретариате ЮНЕСКО. Постоянный представитель БССР в Комиссии ООН по правам человека (1985–1988), избирался председателем этой комиссии (1987).

В 1979–2001 годах работал в НАН Беларуси. С 2002 года – заведующий кафедрой, с 2006 – профессор Белорусского института правоповедения.

С 2009 года – главный научный сотрудник Центра стратегических европейских исследований и международного сотрудничества Института философии НАН Беларуси.

Доктор философских наук (1977), профессор (1979), член-корреспондент НАН Беларуси (1991).

Автор более 200 научных и научно-публицистических работ, 10 монографий.

Сфера научных интересов: проблемы диалектики, отчуждения и прав человека, политической философии, современной западноевропейской философской мысли, теории глобализации и стратегии международных отношений.

живания, за передачу опыта и знаний поднимающимся на ноги поколениям.

Сегодня мы можем говорить об осознании нашим первобытным предком самоуважения человека и уважения к человеку как о первоосновах явления и понятия достоинства человека. О притязаниях на владение как о первооснове явлений и понятий право и права человека. О заботе о «серийном» производстве орудий и создании условий для выживания в борьбе с природой как об ответственности, являющейся первоосновой явлений и понятий долга, обязанности человека и человеческой личности.

Вполне правомерной может быть идея о том, что развитие этих основных качеств становления социального бытия шло следующими связками: самоуважение – уважение – честь – достоинство; притязание на владение – владение (собственность) – право и права человека; ответственность – долг – обязанность.

Бесспорен тот факт, что между явлениями этих групп мироощущений (ответственность, долг, обязанность) лежат многие тысячелетия, но сами понятия и слова появились исторически недавно и практически в одно время: между X и началом XIII века нашей эры. А именно: в европейской части социального бытия человека, в так называемой латинской культуре, которая в силу разнотемпового развития народов оказывается впереди в негласном их соревновании.

Для подтверждения этой мысли обратимся к энциклопедическому словарю современной Франции Petit Robert, который, давая аналитико-синтетическое описание обозначенных категорий, отмечает время их появления.

Первая связка: **уважение** (le respect – начало XIII в.), **честь** (le honneur – конец XII в.), **достоинство** (la dignité – конец XI в.).

Вторая связка: **притязание** (la pretention, preter – начало XII в.), **владение (собственность)** (la possession, la propriété – начало XII в.) **право, права человека** (le droit, les droits de L'home – XII – начало XIII в.), **ответственность** (la responsabilité – начало XIII в.).

Третья связка: **долг** (le devoir – конец XII в.), **обязанность** (L'obligation – начало XIII в.) [4].

Поскольку Petit Robert говорит о появлении слова и понятия *письменность*

(l'écriture – «воспроизведение слова и мысли в знаках») в латинских источниках, относя их к 1050 году, можно сделать вывод о том, что слова и понятия уважение, честь, достоинство, притязания, владение, право, права человека, ответственность, долг, обязанность созрели еще в дописьменном обиходе, по крайней мере, на многие столетия и тысячелетия раньше XI–XIII веков нашей эры.

Все эти явления и понятия дают представление о вещах, которые соответствуют их пониманию Иммануилом Кантом («значимому по сей день»). Они суть категорические императивы. Каждое из них является «фактом разума», «голосом разума» в сознании каждого не только человека, но всех «разумных существ». Они являются «нравственным законом» «чистого практического разума», законом, который представляет собой императив, категорическое повеление разума, принуждающее к поступкам. Он, этот моральный закон чистого практического разума принуждает «поступать так, чтобы максима твоей воли могла в то же время иметь силу принципа всеобщего законодательства» [5, с. 347].

Этот вывод блестяще по форме и глубоко по содержанию подтверждается самим И. Кантом. Практический разум «предписывает сделать высшим жизненным принципом всякой моральности в человеке мысль о долге, усмиряющую всякое высокомерие и всякое пустое самолюбие» [5, с. 413].

«Долг! Ты возвышенное, великое слово, в тебе нет ничего приятного... ты требуешь подчинения... ты только устанавливаешь закон, который сам собой проникает в душу... – где же твой, достойный тебя источник и где корни твоего благородного происхождения... и откуда возникают условия того достоинства, которое люди могут дать себе» [5, с. 413]. На часть этого вопроса (об источниках и корнях) И. Кант частично дает ответ: достоинство, которое «люди могут дать себе», отражается категориями обязанность и долг. Однако на главную часть вопроса об условиях возникновения этого явления и понятия мы у него ответа не находим. А условия, порождающие категорические императивы и в частности достоинство человеческой личности – это ее практический разум и креативная творческая деятельность (рис. 1).

Анализируя рисунок, следует, очевидно, остановиться на некоторых возникающих

вопросах. Первый – о степени категоричности велений разума в предложенных двух сферах императивов, называемых И. Кантом по-разному: категорических императивов (к ним мы относим достоинство – права человека – обязанности) и нравственных законов. К ним относим креативность, трудолюбие, правду, совесть, справедливость, толерантность, сострадание, дружбу, любовь и ряд других явлений и понятий.

Думается, что оба названия в обеих сферах демонстрируют одинаковую и обязательную категоричность. Хотя бы потому, что, по мнению И. Канта, категорические императивы, нравственные императивы, нравственные законы отражают одно и то же явление: веление разума, принуждающее человека к определенным поступкам, поведению. Императив – это «правило, которое характеризуется долженствованием, выражающим объективное принуждение к поступку...» [5, с. 332]. «Моральный закон... есть императив, который повелевает категорически... под названием обязательности, которая означает принуждение к поступкам, хотя принуждение одним лишь разумом и его объективным законом, и которая называется поэтому долгом...» [5, с. 349]. Разница этих двух видов императивов лишь в том, по нашему мнению, что достоинство, права и обязанности человека следует отнести к главным, основным категорическим императивам, все остальное, расположенное в центре схемы, следовало бы отнести к сопутствующим, лежащим, однако, в основе возникновения главных, являющихся социально-нравственной опорой их реализации. Здесь нельзя не вспомнить мысли Юргена Хабермаса о моральной укорененности достоинства и прав человека [6, с. 68].

Второй вопрос касается природы конкретных явлений и понятий, составляющих содержание категорических императивов и нравственных законов. Все названные выше категории, вместе взятые и каждая в отдельности, имеют, по нашему убеждению, социальную, нравственную и правовую (правочеловеческую) природу. Не случайно Кант говорит о «максиме воли» и о необходимости превращения ее во «всеобщее законодательство» как об основном законе чистого практического разума. Не случайно в этом плане и мысли Юргена Хабермаса о том, что права человека «одновременно

обращены и к праву, и к морали», что они «объемлют ту часть просвещенной морали, которая переведена на язык политической действительности...», и благодаря «внутренней связи между достоинством человека и правами человека было достигнуто такое взрывное по силе подсоединение морали к медиуму права, в котором издавна нуждалась конструкция более справедливого политического порядка» [6, с. 68, 69, 70].

Корни этой природы в них неразрывно переплетены. Они внутренне присутствуют в каждом явлении и понятии, означенном выше. Может быть, только в разной степени. Если, например, в императивах достоинство, долг, совесть, дружба, любовь в большей степени представлены морально-нравственные начала, то в категориях трудолюбие, обязанность, ответственность, справедливость сильнее выступают социальные и правовые начала. Хотя и они, в зависимости от конкретных условий, могут быть представлены как моральные, этические категории и нормы.

Они, повторим, суть внутреннее друг друга. Эта особенность отмеченных выше категорических императивов хорошо прослеживается в энциклопедическом словаре Petit Robert. Определяя слова, наряду с основными значениями, словарь вводит в них ряд других слов, отражающих истоки и пути реализации основного слова, которое переводится, по существу, в широкую

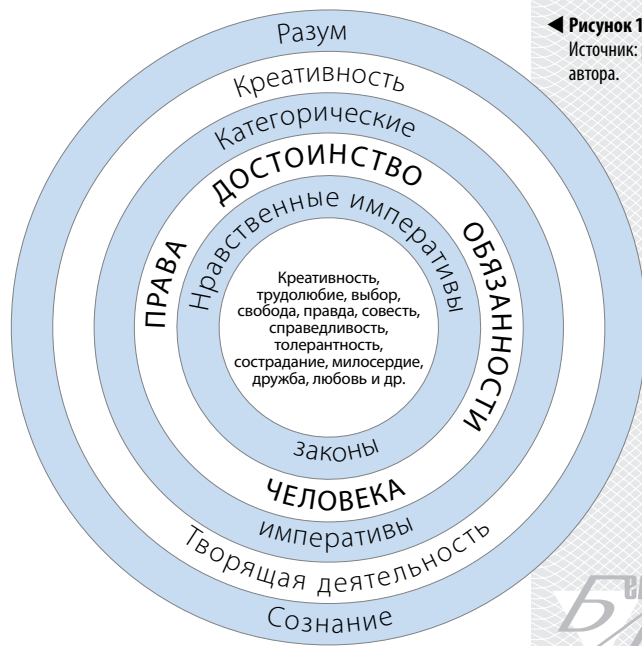
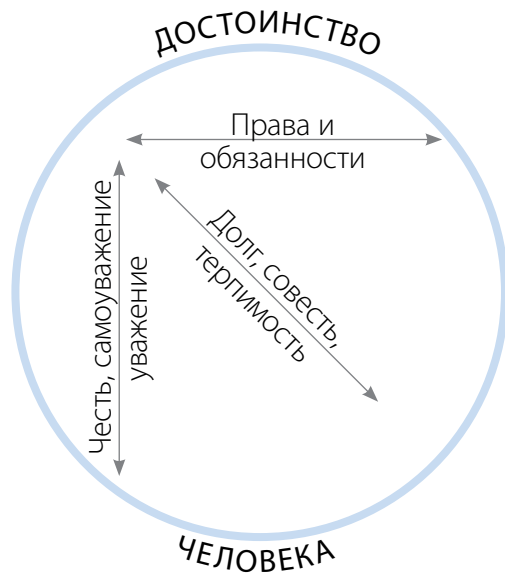

Рисунок 1.
Источник: разработка автора.

► Рисунок 2.
Источник: разработка
автора.

философскую категорию. Так, трактовка достоинства связывается с уважением, самоуважением, честью и совестью. Обязанности – с ответственностью, честью и совестью. Уважения – с самоуважением, честью и достоинством. Долга – с уважением, ответственностью, справедливостью и обязанностью [4].

Рассуждая об этом, нельзя не вспомнить основное положение философии конвергенции – схождение различий и противоположностей вплоть до их тождества. Все означенные явления и понятия сходятся, стремясь

► Рисунок 3.
Источник: разработка
автора.

к тождеству, и по горизонтали, и по вертикали, и по диагонали отношений, все они становятся внутренними элементами друг друга и главной категории достоинства человека, как это иллюстрирует рисунок 2.

Структура и качественные особенности

Вернемся к международным пактам о правах человека 1966 года. В их преамбуле утверждается: «Признание достоинства, присущего всем членам человеческой семьи, и равных неотъемлемых прав» является «основой свободы и справедливости» [7, с. 13].

Обратим внимание на понятие – «все члены человеческой семьи». Каких членов человеческой семьи объединяют категории достоинство и «равные неотъемлемые права»? Отвечая на этот вопрос, мы должны выделить конкретного человека, другого конкретного человека, коллективные групповые объединения людей (семья, род, племя, этнос, народ, нация, политические и профессиональные группы), «человека вообще», абстрактного человека как коллективного субъекта креативной деятельности, творящего культуру и человеческую цивилизацию. Так, по нашему мнению, должна выглядеть структура категорических императивов, сотворенных сознанием человека, как проявлением разума в нем. Она показана на рисунке 3.

Каковы качественные особенности категорических императивов достоинства, прав и обязанностей? Во-первых, их объективная всеобщность: они как «факт разума» охватывают в социальном мире всех и каждого вне их желания или нежелания.

Во-вторых, наличие достоинства, прав и обязанностей человека отражается как «факт разума» в сознании и самосознании людей.

В-третьих, конкретный человек и конкретный другой являются основными, главными субъектами, ядром проблем и забот социального организма на Земле, потому что они или не обладают равными и неотъемлемыми правами, а значит и равным, и неотъемлемым достоинством, или обладают ими в неодинаковой (обедненной) степени с другими.

В-четвертых, рисунок свидетельствует, что эта ситуация является, кроме того, и

онтологической основой противоречий, противоположностей в человеческом обществе, сталкивающихся в борьбе за права и конкретных людей, и конкретные социальные группы, включая в первую очередь гражданина и государство, государства и государства. Недаром Ю. Хабермас считает, что права человека, морально заряженные явлением попоранного достоинства, представляют собой «катализатор» и «взрывную силу» [6, с. 68].

В-пятых, демонстрируются вместе с тем онтологическое единство и возможность реализации схождения различий, противоположностей Я – ДРУГОГО – СОЦИАЛЬНОЙ ГРУППЫ единства, которое может доходить до тождества противоположностей, до снятия антагонизмов между ними. Вспомним идею Ю. Хабермаса о том, что достоинство, оплодотворенное правом, представляет собой уже не «взрывную силу», а связующее звено схождения морали и права [6, с. 69].

В-шестых, понятие «человек вообще» (абстрактный человек) включает в себя явления всеобщности, уникальности моральных и социальных качеств достоинства, прав в человеческом обществе, где прописанное в Конституциях и актах ООН о правах человека является одинаковым, желательным и обязательным для всех и каждого.

Кроме того, рисунок позволяет понять то, что внутренним двигателем данного единства является противоречие между абстрактным человеком как моделью творца, представителя человеческой цивилизации, полностью интегрирующим в себя понятие достоинства личности, и всяким конкретным человеком, входящим в историю и покидающим ее. Человеком, который в каждом новом поколении должен трудом и борьбой всякий раз заново добывать достоинство, впитывать культуру, интегрируя в себя их реальные объективные сущностные признаки, принадлежащие его ближайшему сообществу, его этническому роду и роду *Homo sapiens* в целом.

В первом случае (абстрактный человек) мы, с полным правом претендуя на истинность вслед за основополагающими международными актами о правах человека, говорим, например, о равенстве всех людей в их достоинстве как об объективной реальности. Абсолютно соглашаемся с Хабермасом: в этом случае мы имеем дело с «абсолютным значением», с «высшим рангом чело-

веческого достоинства», которое должно быть «на службе интегративной концепции (науки. – *Авт.*) прав человека, которая пока еще не построена», что достоинство человеческой личности – это сейсмограф, «который должен дать гражданам политическую общность», это «портал, через который эгалитарно-универсалистское содержание морали импортируется в право», «это понятийный шарнир, который сочленяет мораль равного уважения к каждому с позитивным правом и демократическими правами деклараций» [6, с. 69–70].

Во втором случае (конкретный человек, который в каждом новом поколении должен трудом и борьбой добывать достоинство) мы обязаны (вынуждены, если угодно) констатировать отсутствие реального равенства достоинства у каждого конкретного, объективно и материально существующего и заявлять о правах этого реального, конкретного, объективно и материально существующего человека на достоинство, уважение, гарантирование, обеспечение, охрану, защиту, реализацию, как об условиях превращения возможного достоинства в действительное, реально и объективно существующее достоинство.

Здесь мы уже ведем речь не столько о достоинстве человека как творца культуры и человеческой земной цивилизации, сколько о серии конкретных прав, реализующих каждую клеточку его достоинства и как конкретного Иванова, Шварца, Дюпона, и как представителя и творца реального человеческого общества. В первом случае (абстрактный человек) мы еще имеем дело с абстрактным запросом тождества явлений достоинства человеческой личности и прав человека. Во втором (конкретный человек) – уже с реализующимся или стремящимся к реализации тождеством достоинства и прав человека.

Вот почему, по нашему мнению, следовало бы подправить мысль, неоднократно повторенную в разных международных правовых актах: «Права вытекают из присущего человеческой личности достоинства» [7, с. 5, 13]. В связи с изложенным, представляется безусловным, что права человека вытекают из попоранного достоинства личности. «Апелляция к правам человека питается возмущением униженных и оскорбленных по поводу попорания их человеческого достоинства» [6, с. 67]. Но,

думается, не менее безусловным является и то, что реализованные права человека оказывают решающее влияние на формирование самого феномена достоинства человека.

Конвергенция явлений и понятий

Профессор Ю. Хабермас в статье «Концепт человеческого достоинства и реалистическая утопия прав человека», повторяя международные пакты, пишет, что человеческое достоинство – это «моральный «исток», который по содержанию питает все базисные права» [6, с. 68].

Но что такое достоинство человеческой личности? В статье он говорит о нем только как об идее, точнее, как о моральной идее, как о понятии, которое является истоком другой идеи, другого понятия – идеи и понятия прав человека. Недаром он постоянно повторяет, что «идея прав человека получает дополнительную моральную загрузку в виде понятия человеческого достоинства», о «моральной загрузке идеи прав человека через понятия его достоинства», что «тесная связь между этими концептами существует от начала» [6, с. 67]. Но идея и понятие достоинства человеческой личности отражают нечто более сложное, более емкое, более важное, т.е. явление достоинства личности. Не случайно ведь, что, не вполне осознавая, но чувствуя, ощущая присутствие чего-то определяющего в онтологической иерархии становления достоинства личности, он задается вопросом: «Есть ли «человеческое достоинство» выражение для содержательного нормативного понятия... или это все лишь пустое, еще не заполненное обозначение...» [6, с. 68].

Действительно, что представляет собой достоинство личности? Это только идея? Это только понятие? Только деятельность определенного качества или нечто тройственное, вместе взятое? Думается, что научное понятие и научное понимание явления достоинства человека должны строиться на принципе схождения, конвергенции, доходящих до тождества этих различных элементов.

На этой основе представляется, что явление достоинства человека можно именовать мироощущением, философской категорией, включающей в себя и идею, и

понятие, и деятельность высокого социально-нравственного накала. Точнее говоря, достоинство человеческой личности есть ее мироощущение как творца «второй природы» (Ф. Энгельс), т.е. как творца культуры, как творца человеческой цивилизации, не имеющей эквивалента в окружающем мире. Именно как творец человек выступает как такое нечто, которое причастно явлению разума и сознания, созданию наук и мировоззрений, формированию национальных языков, созданию письменности и искусства, к появлению плюрализма и свободы, социальной сферы и экономики, семьи, этносов и наций, государств, политики и права, морали и нравственности, идеи Бога и религий, других явлений. Именно как творец всего социально сущего он делает себя достойным уважения, он творит свое достоинство и создает основания для притязаний на сотворенное и долженствования всему сотворенному, притязания и долженствования, выраженные системой сотворенных им же фундаментальных прав и обязанностей. Именно в этом смысле «человеческое достоинство» следует считать не просто классифицирующим выражением, своего рода муляжом, но моральным «исток», который по содержанию питает все базисные права» [6, с. 68].

Говоря о достоинстве личности, о правах и обязанностях человека как социально-нравственных категориях, мы должны подчеркнуть, что понятию и явлению обязанности человека в философской, этической и правовой литературе уделяется совсем немного внимания. Не вызывает оно достойного внимания у пишущей и анализирующей проблемы публики, что сказывается и на текстах международного права. Например, Всеобщая декларация прав человека: в ней понятие «обязанность» встречается только два раза – в 10-й и 29-й статьях.

Но права человека как явление не существуют без обязанностей, а обязанности без прав. Это значит, как понятия, как категории мышления они должны идти в конвергентной триаде: права, обязанности = достоинство. Их схождение вплоть до тождества – это закон диалектики социального бытия как единства его нравственных, социальных и правовых аспектов.

Обратимся к определениям.

Права человека – это притязания человека к самому себе, другому, обществу и государству и долженствование человека

самому себе и другому, обществу и государству, выраженные нормами моральных обычаев и нормами права. Уже это определение говорит о том, что права человека есть единство притязаний человека к своему творению («Я имею право») и обязанностей, долга своему творцу. «Я обязан, должен самому себе, другому, обществу и государству». Единство прав и обязанностей – в самих правах человека.

Обязанности человека – это долженствование человека самому себе, другому, обществу, государству и его притязания к обществу, государству и другому, выраженные нормами моральных обычаев и нормами права [8, с. 44].

И наконец, определение достоинства человеческой личности: это ее «мироощущение как творца человеческой цивилизации, выражающееся в притязаниях и долженствовании окружающей действительности, государству, обществу, себе самому и другому, обнаруживающееся в чувствах, идеях и понятиях, действиях и поступках» [9, с. 247]

Определения показывают, что обязанности человека есть единство долга и притязаний человека перед самим собой, другим, обществом и государством. Точнее говоря, речь здесь следует вести о единстве обязанностей и прав в самих обязанностях человека, об их единстве, «доходящем до тождества» в итоговой категории достоинства человеческой личности.

Изложенное дает основание для утверждения, что в любых политико-экономических и социально-культурных системах права человека просто не существуют без его обязанностей. И наоборот. Более того, они суть внутреннее друг друга. Обязанности есть внутренний источник реализации, движения и развития прав человека, а права человека – внутренний источник реализации обязанностей. И оба эти явления порождают достоинство личности. Заметим при этом, что в качестве внутреннего ядра, реактора этой конвергенции выступают два явления и два понятия: притязание и долженствование: человека и человеку. Однако эта мысль требует уточнения: в правах человека превалируют притязания, в обязанностях превалирует долг, в достоинстве обе эти стороны равносильны и равнозначны.

Здесь следует подчеркнуть важнейшую качественную особенность явления

обязанность. В системе прав человека она выступает как главный, объективный, универсальный ограничитель произвольных прав. Только права творца, поддерживающего, стимулирующего, развивающего, совершенствующего человеческую культуру и цивилизацию, могут считаться правами человека. Морально ущербные пожелания, устремления нездорового сознания, ведущие к антиподам достоинства, к оживотнению, бестиялизации человека, не могут обретать статус его прав. Первой и главной преградой на их пути является феномен обязанности.

Основополагающие международные акты о правах человека не трактуют таким образом данные проблемы. Они к подобным трактовкам даже не приближаются. Более того, является очевидным, что эти две стратегические стороны общественной жизни человека в них фактически оторваны друг от друга. Ведь только через 50 лет после принятия Всеобщей декларации прав человека принимается специальная Декларация о праве и обязанностях отдельных лиц, групп и органов поощрять и защищать общепризнанные права человека и основные свободы [10]. Но представляется абсолютной истиной идея о том, что только при безусловной реализации своих обязанностей человек способен реализовать свои права, свое достоинство, государство способно их гарантировать и защитить, а Организация Объединенных Наций создавать атмосферу их универсального признания и всеобщего уважения.

Таким образом, права, обязанности и достоинство человека – это сфера специфических отношений человека и другого, человека и гражданина; человека, гражданина и социальной группы; человека, гражданина и государства; это постоянное движение, стремящееся к балансу и равновесию, конвергенции данных различий и противоположений.

Совершенно очевидно, что в достоинстве, правах и обязанностях человека, в других, сопутствующих им, социально-нравственных явлениях и понятиях (правда, ответственность, совесть, выбор, толерантность, любовь, сострадание и т.д.), мы наблюдаем конвергенцию чистого и практического разума, реализацию нравственных законов, выраженную категорическими императивами, т.е. абсолютными велениями

► Рисунок 4.
Источник: разработка
автора.

разума к должностованию, которое побуждает к поведению высокого социального и нравственного напряжения (рис. 4).

Не случайно Кант связывает категорические императивы с такими качествами, как всеобщность, объективность, безусловность: они одинаковы для всех, обязательны для каждого в любой ситуации.

Стратегическая задача современного человечества – спасти и сохранить уни-

кальную земную цивилизацию. Над нею и созданными ею достоинством и достоинствами человека как никогда ранее нависли серьезнейшие внутренние и внешние угрозы и вызовы.

Внутренние: а) опасные традиционные массовые и новые заболевания; б) антиподы достоинства человека, ведущие к его оживотнению, бестиализации: зоофилия (именуемая в русской культуре более точным для обозначения отвратительности этого явления словом скотоложество), гомосексуализм, педофилия, проявления рабства, торговля людьми, проституция; в) новейшие технологии, созданные разумом человека, их возможность в результате увлечения политиков идеями регионального и мирового господства уничтожить все еще живущее на Земле; г) геноцид, мировые и гражданские войны, международный терроризм, ведущие к явлениям массового самоубийства человечества.

Внешние – как бы мстящие нам за умеренную гордыню превосходства человека и сотворенного им над всем живым и существующим природа и космос, которые все настойчивее и сильнее напоминают о хрупкости жизнеустройства и жизнедеятельности человека.

Современное разъединенное идейно-политическими предрассудками человечество пока не готово вести активную борьбу с этими угрозами [11]. Неизлечимые болезни; западные культуры, охваченные безумным ренессансом животного аморализма; неудержимо растущие алкоголизация и наркотоговля; новые схватки на Ближнем Востоке (Израиль – Палестина, так называемое «исламское государство», курды); неожиданная, странная война славян в Украине; сокрушительное наводнение и массовые пожары на востоке России, техногенные катастрофы: Украина, Беларусь, Россия (Чернобыль), Япония (Фукусима), возмущения природы, сопровождаемые гибелью тысяч людей и уничтожением результатов их жизнедеятельности (Непал); катастрофическое бегство в развитые страны Европейского союза сотен тысяч жертв насилия на Ближнем Востоке и в Африке – серьезные свидетельства того, что акты расчеловечивания человека и человечества (превращения человека в животное, а человечества – в самоистребляющее и истребляемое ничто) пока необратимо набирают силу. ■

ЛИТЕРАТУРА

1. Философская энциклопедия: в 5 т. / Гл. ред. Ф.В. Константинов. – М.: Советская энциклопедия, 1960–1970. – Т. 2.
2. Даймонд, Дж. Ружья, микробы и сталь. Судьбы человеческих обществ / Дж. Даймонд. – М.: Corpus, 2012.
3. Археалогія Беларусі: энцыклапедыя. – Т. 1–2. – Мінск: Беларуская энцыклапедыя імя П. Броўкі, 2009; 2011.
4. Le Petit Robert (Robert Paul). Dictionnaire de la langue Française. – Paris: Société du nouveau Littre, 1973.
5. Кант, И. Сочинения в шести томах / И. Кант. – Т. 4, ч. 1. – М., 1965.
6. Хабермас, Ю. Концепт человеческого достоинства и реалистическая утопия прав человека / Ю. Хабермас // Вопросы философии. – 2012. – № 2. – С. 66–80.
7. Международный билль о правах человека. Международные пакты о правах человека // Права человека: сб. междунар.-правовых документов / Сост. В.В. Щербов. – Минск: Белфранс, 1999.
8. Евменов, Л.Ф. Право быть человеком: курс лекций / Л.Ф. Евменов. – Минск: БИПС, 2003.
9. Евменов, Л.Ф. Глобализация: конвергенция – достоинство и права человека: сб. научных статей / Л.Ф. Евменов. – Минск: Право и экономика, 2015.
10. Декларация о праве и обязанностях отдельных лиц, групп и органов общества поощрять и защищать общепризнанные права человека и основных свобод // Права человека: сб. междунар.-правовых документов / Сост. В.В. Щербов. – Минск: Белфранс, 1999.
11. Евменов, Л.Ф. Методологические ориентиры становления новой политико-правовой концепции Организации Объединенных Наций «Ответственность за защиту» / Л.Ф. Евменов // Журнал международного права и международных отношений. – 2013. – № 4.